

УДК 903

ПОСЛЕДНЯЯ КРЕПОСТЬ ХАНА КУЧУМА НА ИРТЫШЕ

© 2016 г. С.Ф. Татауров

В данной статье речь идет об одном из укрепленных комплексов Сибирского ханства Тунусском городке, который располагался на правобережном притоке Иртыша – Таре, примерно в 50 км от его долины. Река Тара протекает в широтном направлении и служит границей между лесостепной и таежной зонами Западной Сибири, поэтому практически весь период древней и средневековой истории являлась границей между лесным и степным населением. Тунусский городок был поставлен в 70-х годах XVI в. вместе с еще несколькими городками, которые составили оборонительную линию, защищавшую земли ханства от хантыйского населения. В тоже время эти городки были центрами по сбору ясака с проживавшего здесь населения. В течение 2003–2006 гг. городок исследовался археологической экспедицией Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН под моим руководством. Материалы исследований легли в основу этого сочинения.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Сибирское ханство, хан Кучум, Московское царство, Тара.

В письменных документах, касающихся истории одного из последних тюрко-татарских государственных образований – Сибирского ханства, совсем немного сведений о судьбе конкретных поселений и городков – их основании и прекращении существования. В основном документы описывают исторические события, связанные со столицами и городами ханства и с историческими деятелями, которые оказались связанными на какой-то момент с этими комплексами. Еще меньше таких памятников, которые можно соотнести с выявленными и исследованными археологическими объектами. Одним из таких является Тунусский городок на р. Таре в Среднем Прииртышье.

В археологических исследованиях древностей этого периода очень важно наличие определенных базовых комплексов, относительно которых должна строиться вся хронологическая и этнокультурная картина развития Западной Сибири. К сожалению, крупные городские центры сибирских ханств в силу различных причин – неисследованности (Чимги-Тура) или невозможности опубликования всех материалов (Искер или Тоянов городок) не могут выступать в такой роли. Поэтому чрезвычайно важна роль тех археологических памятников, которые имеют точную историческую привязку к конкретным событиям, и тем самым дают нам возможность использовать найденные на них в ходе археологических исследований материалы в качестве определенных хронологических и культурных маркеров.

Для археологических комплексов Сибирского ханства в Прииртышье есть несколько исторических объектов, которые могут или могли бы выступать в качестве таких базовых памятников, но, также как и с вышеотмеченными городами, многие из них выпали из научного оборота.

Наиболее известна и археологически исследована Кизыл-Тура, но, к сожалению, материалы многолетних раскопок Е.М. Данченко этого комплекса до сих пор не изданы, и поэтому мы ничего не можем сказать об этом городе. Вероятнее всего, он был разрушен еще до похода Ермака. Военный городок Куллара, который Ермак так и не смог взять, несколько сезонов исследовался Б.А. Кониковым, но собственно комплекс материалов, который можно было бы соотнести с Сибирским ханством, так и не было выделено исследователем, так как на момент раскопок этим периодом в Сибири он практически не занимался. Городок Ташаткан и Черный городок на настоящий момент вообще не найдены и поиски их не ведутся. Поэтому Тунусский городок, обнаруженный в ходе разведки 2002 г. автором данной статьи является пока единственным археологическим комплексом, соотнесенным с конкретным историческим объектом и целенаправленно исследованным в ходе трех сезонов.

Тунусский городок (Тунус) известен благодаря собранным Г.Ф. Миллером материалам, как центр Тунусской (Чангулинской – по имени главного мурзы Чангулы) волости, которая располагалась на среднем течении правого притока Иртыша – Таре. Из приведенных им грамот мы знаем и о его судьбе – во второй половине марта 1595 г. он был сожжен отрядом тарских служилых людей (Миллер, с. 362). Археологические исследования, которые проводились на этом комплексе в 2003–2006 гг. показали, что городок был основан в период присоединения прииртышских земель ханом Кучумом к Сибирскому ханству, то есть примерно в 70-х годах XVI века и, таким образом, он про-

существовал менее тридцати лет. Не смотря на такой незначительный по историческим меркам период времени, в судьбе этого городка отразилась вся история Сибирского ханства – от его возникновения по велению хана Кучума до его взятия и ликвидации последнего очага сопротивления татар против русских в Прииртышье.

Тунус имеется на карте Сибири XVI–XVII вв. К.Н. Сербиной (Миллер, 1999, Прилож.) (рис. 1) и в Хорографической книге С.У. Ремезова (рис. 2). Вследствие того, что городок расположен далеко от долины Иртыша, его расположение указано весьма приблизительно – у К.Н. Сербиной он расположен немного западнее и на правом берегу р. Нижняя Тунгуска, у С.У. Ремезова он находится на другом берегу реки. В действительности городок располагается на левом берегу правого притока р. Тары – р. Нижней Тунуски.

По своему географическому положению Тунусский городок занимал очень важное стратегическое положение. С востока по левому берегу Тары до этих мест доходит один из языков Барабинской лесостепи, поэтому городок являлся связующим звеном между Прииртышским и Барабинским улусами Сибирского ханства. Вместе с другими городками – Кошкулем IV (на р. Уй) и Екатерининским V (на р. Пятая речка) Тунусский городок составлял оборонительную линию, которая отодвинула от долины Иртыша хантыйское население. Одновременно городок служил центром сбора ясака с местного населения.

Тунусский городок, как и другие вышеуказанные комплексы, функционировал только определенное время в году, осенью – когда была возможность проезда по замерзшим рекам, но снежный покров еще не достиг своего максимума или весной, когда снег оседал, но реки еще не освободились от ледяного покрова. В эти периоды городок занимал небольшой гарнизон, судя по количеству жилищ, из 20–30 человек. По питанию он рассчитывал только на свои ресурсы – анализ остеологических материалов дал нам около 90% костей лошади, то есть они специально пригоняли их для питания. На городище Кошкуль IV – следующим к северу от Тунусского городка были зафиксированы кости северного оленя, хотя его ареал обитания гораздо севернее – это подтверждает наши выводы о сборе татарами ясака с северного хантыйского населения. В пользу периодического использования городка говорит сравнительно небольшой культурный слой и отсутствие бытовых предметов при его исследовании.

Городок, как и другие укрепленные комплексы линии, был основан после присоединения этой части Прииртышья ханом Кучумом к своему ханству и для защиты долины Иртыша от возможных набегов хантыйских князьков. Из-за малочисленности проживавшего здесь населения он переселил сюда часть своих подданных с Южного Урала и восточной Башкирии. В литературе они получили название аялыньских татар, которые вместе с туралиньскими татарами составляют этническую группу тарских татар – основного населения Тарского Прииртышья в конце XVI в. (Томилов, 1981, с. 135–136).

Фактически он был расположен на границе прииртышского улуса, центр которого располагался на Иртыше и до сих пор не найден (Татауров, 2011). Вероятнее всего, он был уничтожен при основании г. Тара в 1594 г., либо это поселение в районе д. Сеитова, куда переехал из Искера Дин-Аул-Ходжа, возглавлявший в свое время исламскую миссию из Бухары и приехавший в Сибирское ханство по приглашению хана Кучума. Следует отметить, что татарские поселения на Иртыше не имеют укреплений, так как они защищены цепочкой этих городков по всем притокам Иртыша в этом районе.

После поражения под Искером хан Кучум уходит на юг в Прииртышье и уже отсюда продолжает вести свою борьбу с русскими отрядами. Аялыньские татары в этот период были одним из основных источников пополнения войска хана Кучума, и они одними из последних присягнули Московскому царству, что, впрочем, при любом удобном случае не мешало им переходить на другую сторону. Городки и поселения в Прииртышье стали временными ставками хана Кучума. После основания Тары в 1594 г. хан попытался отойти на юг, в район, прилегающий к устью Оми, и основать там новый центр ханства (Черный городок), но русские взяли только что основанный городок штурмом и он был вынужден отойти от Иртыша и перекочевать на восток – в Барабу и дальше в Приобье.

Рис. 1. Карта Западной Сибири, выполненная К.Н. Сербиной (Приложение к изданию: Миллер Г.Ф. История Сибири, 1999)

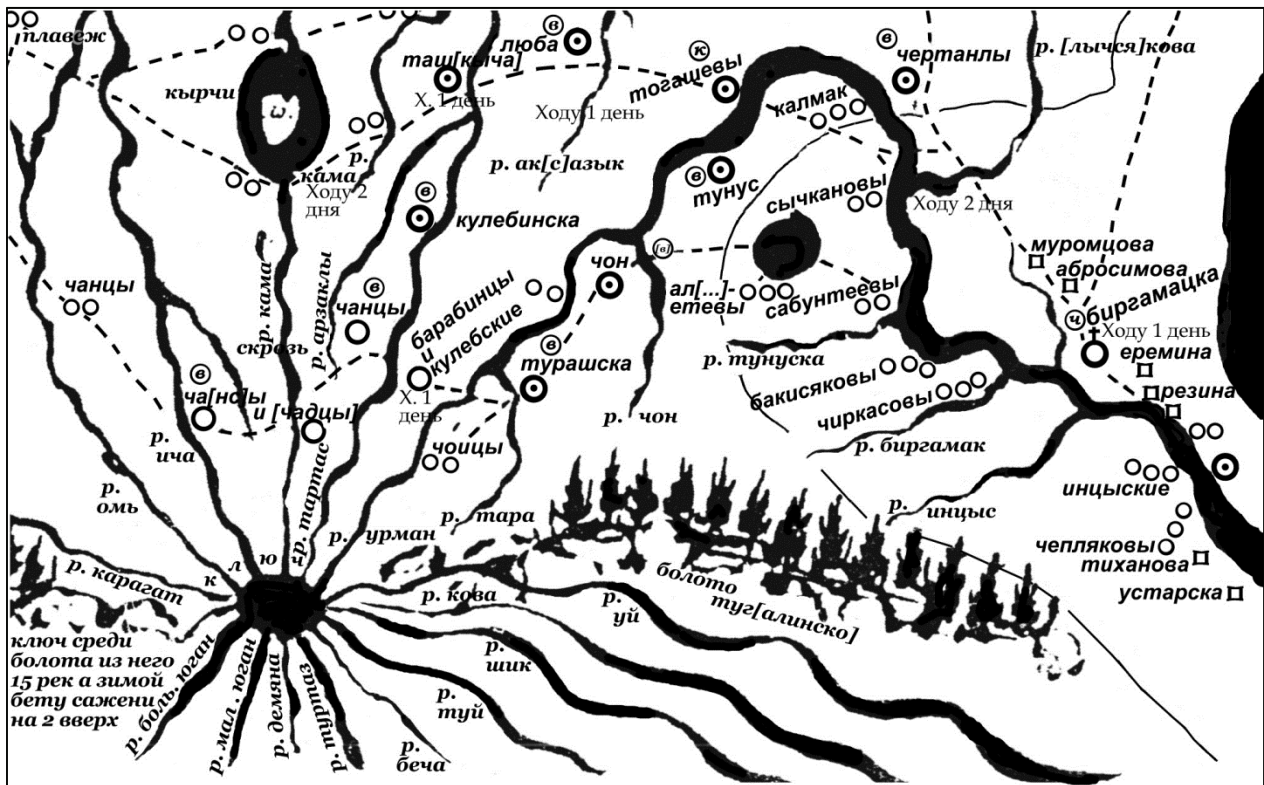

Рис. 2. Фрагмент карты С.У. Ремезова из Чертежной книги Сибири

Тарскому воеводе князю Федору Елецкому, выполняя наказ царя, было необходимо, в первую очередь, очистить от хана Кучума долину Иртыша и ликвидировать угрозу осады Тары, вывести из под его контроля местных татар. Для того, чтобы пресечь помощь хану с востока от барабинских татар нужно было взять Тунусский городок и установить контроль над средним течением р. Тары. Из грамоты 1595 г. тарского воеводы Федора Елецкого мы знаем о последних событиях, связанных с этим городком.

1595 г. августа 16. – Грамота царя Федора Ивановича в Тару воеводе князю Федору Елецкому с товарищами по поводу тамошних дел и вестей о Кучуме и нагайцах: «... И он князь Ондрей (Елецкий) отпустил из нового города с Тары марта в 17 день голову Бориса Доможирова да голову Своитина Рупосова, а с ними детей боярских, и литвы, и казаков, и стрельцов, и служивых юртовских и волостных татар, Тобольских, и Тюменских, и Тарских 483 человека воевати волостей: волость Чангулу, волость Лугуй, волость Любу, волость Келему, волость Тураш, волость Барабу, волость Кирпики, а те волости нам не служат и ясаку не давали, а живут в тех волостях ясачные люди многие, и в новой город на Тару к нему ко князю Ондрею не прихаживали, а были волости за Алеем, мурзою нагайским, И головы Борис Доможиров И Своитин Рупосов, не доходя волости Тураша, пришли под городок под Тунус, стоял в волости в Чангуле; а в городке сидело татар изменников 40 человек з женами и з детьми; и из городка де вышли татарове и с ними билися, и на вылазке тех татар побили, и языки поимали, и городок Тунус взяли, а на вылазке убили 17 человек, а лутчева человека Чангулу мурзу взяли жива, а с ними взяли 5 человек, и городок сожгли, и Чангулу волость и Любу волость воевали, а в них были ясачные многие люди. ... И пришли головы Борис Доможиров и Своитин Рупосов в новой город на Тару со всеми людьми здорово» (Миллер, 1999, С. 362).

Из текста грамоты следует, что укрывшиеся в городке воины в количестве 40 человек совершили вылазку, в результате которой часть их была убита, а часть взята в плен вместе с главой волости Чангулой мурзой. При этом из грамоты неизвестна судьба оставшихся 17 воинов и укрывшегося в городке мирного населения. Причем о судьбе пленников и оставшегося населения больше ничего не говорится – в Тару после этого похода пленных татар не приводили.

Ю.С. Худяков пишет: «В 1596 году воевода Ф. Елецкий разбил войско Кучума в городке Тунус. Хану удалось бежать» (Худяков, 2000). Предположить, что в момент штурма хан Кучум был в городке и смог уйти, прикрываясь вылазкой защитников городка очень заманчиво, но это, на наш взгляд, только гипотеза. Хан Кучум в 1595 г. перемещался по своему ханству с довольно большой свитой, что мы впоследствии увидим во время решающего сражения на Ирменском лугу, поэтому разместиться ему в городке было очень сложно. К тому же хан проигрывал стратегически, отдаляясь с Иртыша, где жило верное ему население. Тунусский городок был важен ему как укрепленный комплекс, прикрывающий дорогу по Таре на восток в Барабу, и как источник поступления ясака, столь необходимого для продолжения борьбы с русскими отрядами.

Обратимся теперь собственно к археологическим материалам – насколько они соответствуют воеводской грамоте.

Городок расположен на очень интересном природном объекте – останце коренной террасы (рис. 3-А, см. на цв. вклейке), который образовался после промыва р. Нижняя Тунуска одного из своих меандров. При относительно небольшой высоте всего около 7 метров, за счет эскарпирования склонов (в настоящий момент крутизна составляет до 70° и более) и строительства фортификационных сооружений, городок был очень хорошо защищен (рис. 3-Б, см. на цв. вклейке). Вдоль всей восточной части останца имеется достаточно глубокое углубление, которое служило в исследуемый период рвом и, возможно, было наполнено водой (рис. 3-Б, см. на цв. вклейке).

Городок занимает всю поверхность останца. Из-за достаточно крутых склонов единственное более-менее удобное место для поднятия на останец имеется в юго-восточной части. Здесь был вход на городище, в подтверждение этому служит устроенное в этом месте у подошвы останца укрепление – «П»-образный вал, боковые стороны которого имеют длину 8 м, а фронтальная 35 м. Высота вала в настоящий момент около полутора метров. Располагается он на подошве (в пойме) и сооружен из грунта, освобожденного в результате эскарпирования естественных склонов останца. Внутренняя часть вала была укреплена стеной из слабообожженного кирпича. Это своего рода предместный редут, если исходить из фортификационной терминологии.

На верхней площадке останца зафиксирован ров и вал, разделяющие поверхность останца почти пополам по линии северо-запад – юго-восток и образующие еще один фортификационный комплекс, наподобие цитадели. Глубина рва до одного метра, ширина 3–5 м. На основании стратиграфических наблюдений можно утверждать, что ров был насыпан одномоментно и не имеет следов перестройки или ремонта. Вал в восточной части останца имеет ширину до 17 м, в западной части он значительно уже до 10 м. Высота около 1 метра. Следует отметить, что песчаная почва, служившая основой вала, сильно оплыла, поэтому на момент штурма вал был как минимум в два раза выше и уже. В ходе раскопок мы зафиксировали в стратиграфии вала небольшие продольные углубления и довольно сильные прокалы, что позволяет нам, учитывая большую ширину вала, го-

ворить о том, что на верху вала было деревянное укрепление срубной конструкции. После взятия городка оно так же было сожжено. Общий перепад рва и вала был более трех метров, а с учетом деревянной части еще больше. Исходя из стратиграфии этих объектов, можно утверждать, что и ров и вал были сооружены одномоментно и затем не подновлялись.

Фортификационная система городка достаточно необычна для городищ Прииртышья и имеет аналоги скорее в Европе или Средней Азии. Наличие предмостного укрепления, построенного с применением кирпича, укрепленной части собственно на площадке городка с использованием срубных конструкций позволяет сделать предположение о том, что строительством городка занимались приглашенные специалисты.

Не меньший интерес вызывает и специально обустроенный спуск (взвоз) с террасы к городку (рис. 4). Он устроен вдоль подходящего к останцу мыса и конструктивно представляет собой широкую до 3 м выемку, которая плавно спускается вдоль склона террасы. Проведенные исследования показали, что были проведены специальные работы по его созданию – первоначально в склоне террасы выкопали полувыемку, создав, таким образом, ровную плоскость будущей проезжей части шириной около 1 м. Извлекаемую землю сваливали компактно вниз по склону, образуя своеобразную «подушку» для наращивания ширины проезжей части и укрепляя ее при помощи деревянных кольев и плетней. Таким образом, ширина проезжей части была увеличена до 1,6 м. Продольный профиль взвоза имеет угол наклона $25^\circ - 30^\circ$. По спуску могли передвигаться пешком, верхом, вести навьюченных животных, осуществлять проезд на полозовых и колесных средствах передвижения.

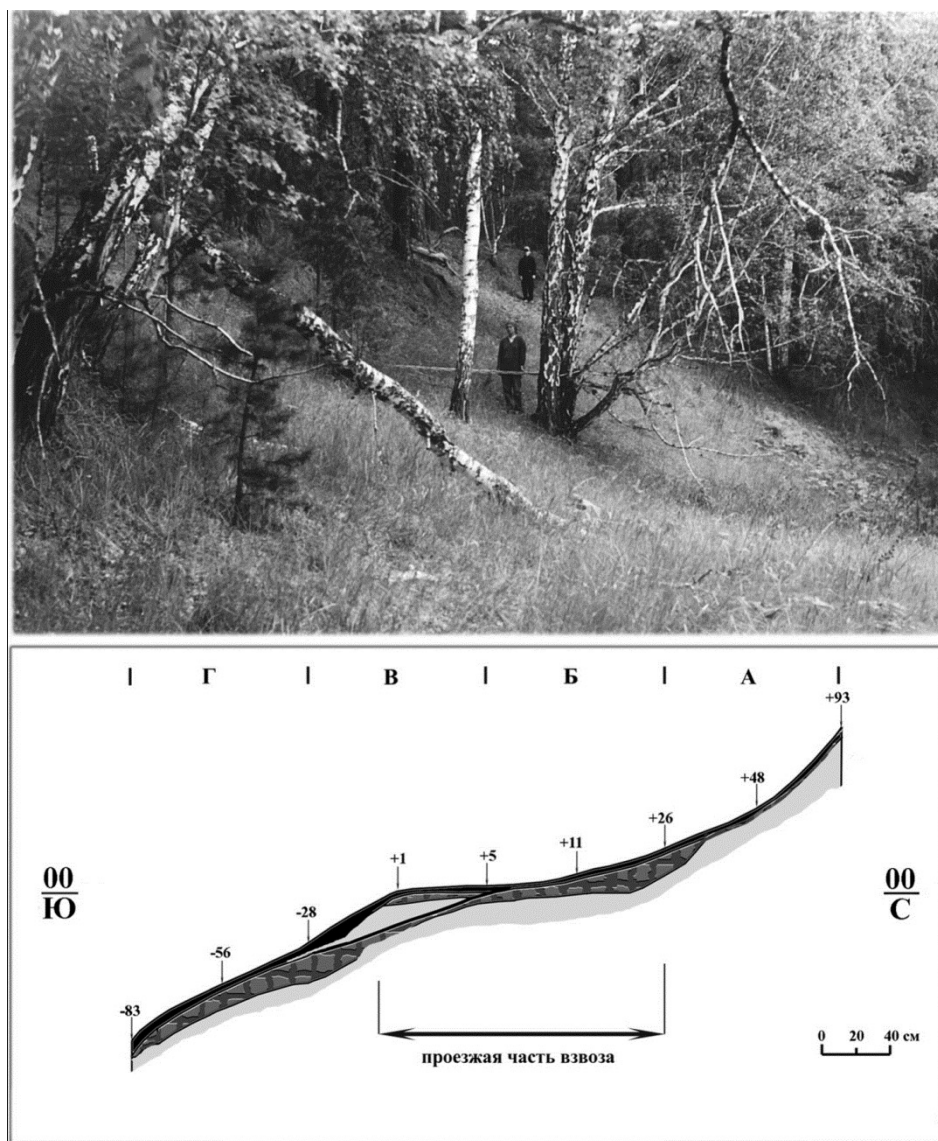

Рис. 4. Спуск (взвоз) с коренной террасы р. Н. Тунуска к городку

Устройство подобного съезда достаточно редкое явление для средневековых городищ Западной Сибири, по всей вероятности подобное устройство вызвано спецификой комплексов, которые были военно-административными центрами определенных территорий и служили своеобразными перевалочными пунктами для ясака.

На площадке городка зафиксировано семь овальных западин, три из которых располагались в цитадели. Все они, как выяснилось в ходе раскопок, были легкими каркасными жилищами (юртами?), площадью около 50 кв. м. установленными на углубленных на 0,3–0,4 м от дневной поверхности площадках (рис. 5, см. на цв. вклейке). Было исследовано два жилища внутри дополнительно укрепленной части городка. Их особенностью было то, что стены, примыкавшие к краю городища, были дополнительно укреплены валом, то есть были частью оборонительной системы. Внутри жилищ вдоль стен располагались лежанки из тонких жердей и досок. В центре жилищ – небольшие открытые очаги, устроенные в округлых неглубоких ямах. Фактически мы можем говорить, что это юрты, дополнительно защищенные земляными брустверами со стороны края останца. В пользу того, что это были легкие каркасные жилища, свидетельствует и то, что следы пожара на месте их стен крайне незначительны. В одном из жилищ уцелел фрагмент стены, примыкающей к валу, по нему видно, что каркас жилища был сделан из жердей или небольших бревен диаметром не более 6–8 см.

Все жилища уничтожены пожаром, в очагах и рядом с ними целые и разбитые сосуды. В углублении под одним из жилищ был найден спрятанный кузнечный инвентарь (рис. 6, см. на цв. вклейке). Клад практически идентичный этому был обнаружен в таежном Причулымье в Зырянском курганном могильнике и датируется XVI–XVII вв. (Беликова, 2010). Подобные наборы кузнечных инструментов в это время были широко распространены на всем пространстве лесостепной зоны Евразии и использовались в основном для починки металлических изделий.

Возможно, что на территории комплекса были сделаны и другиеклады инвентаря, так как других предметов для жизнеобеспечения в ходе раскопок найдено совсем не много. Помимо горшков, оставшихся прямо в очагах, нами в жилищах и в межжилищном пространстве на зафиксировано ни одного предмета хозяйственного назначения.

Самыми многочисленными находками стали железные и костяные наконечники стрел. Следует отметить, что наибольшее их количество найдено на площадке перед рвом. Выделяются своим качеством трехгранные черешковые наконечники стрел, но их относительно немного (рис. 7 – 12–14). Очень интересное наблюдение сделано по костяным наконечникам стрел. Они примерно пополам делятся на хорошо изготовленные, отшлифованные и на выструганные второпях, без хорошей обработки (рис. 7 – 6–11). Их сделали из самых различных костей животных, вплоть до ребер – из-за чего они ассиметричны и имеют слабую центровку, изготовление и использование таких стрел было вызвано, по-видимому, чрезвычайными обстоятельствами обороны городка. Восстанавливая последовательность обороны городка можно сделать вывод, что его защитники отстреливались до последней возможности и, только когда закончился запас стрел, сделали вылазку.

Большой интерес в археологических материалах городка вызывает керамика. Керамический комплекс делится на две примерно равные группы. Хорошо выделяются комплексы фигурноштампованной посуды и керамики, полностью покрытой оттисками подтреугольного штампа и элементами геометрического орнамента, выполненного гребенчатым штампом. Из материалов раскопок следует, что жители городка пользовались обоими комплексами посуды одновременно. В процессе снятия культурного слоя в центре одного из жилищ был зафиксирован очаг и в нем найдены развалы трех сосудов, два из которых орнаментированы продольными линиями и фигурным штампом, а один полностью покрыт рядами подтреугольных оттисков.

Фигурноштампованная керамика (рис. 7 – 3–5), собранная в ходе раскопок городка, украшена штампами, которые в своей основе имеют орнаменты археологических культур таежного Прииртышья второй половины I тыс. н.э. и начала II тыс. н.э. потчевашской и усть-ишимской. На данном комплексе эти штампы больших размеров, хуже по качеству и нанесены достаточно небрежно. Можно констатировать, что мотивы орнаментальных традиций, элементы орнамента, характерные для потчевашской и усть-ишимской культур сохранились на нашей территории до XVI–XVIII вв., но в отличном от них качестве исполнения. Керамика подобного облика для середины II тыс. до н.э. совсем не редкость. Посуда, изготовленная из недостаточно подготовленного материала и с некачественным обжигом, стала результатом прихода на эту территорию тюркоязычного населения, не имевшего каких-то устоявшихся традиций изготовления керамической посуды и постепенно перенимающего навыки ее производства у местного населения. Керамика такого «грубоватого» облика с элементами «лесного» более северного орнамента встречается практически на всех ком-

плексах, которые мы соотносим с сибирскими ханствами. Но, зачастую, исследователи относят эту керамику к дотатарскому времени, что, как мы видим по материалам Тунусского городка не верно.

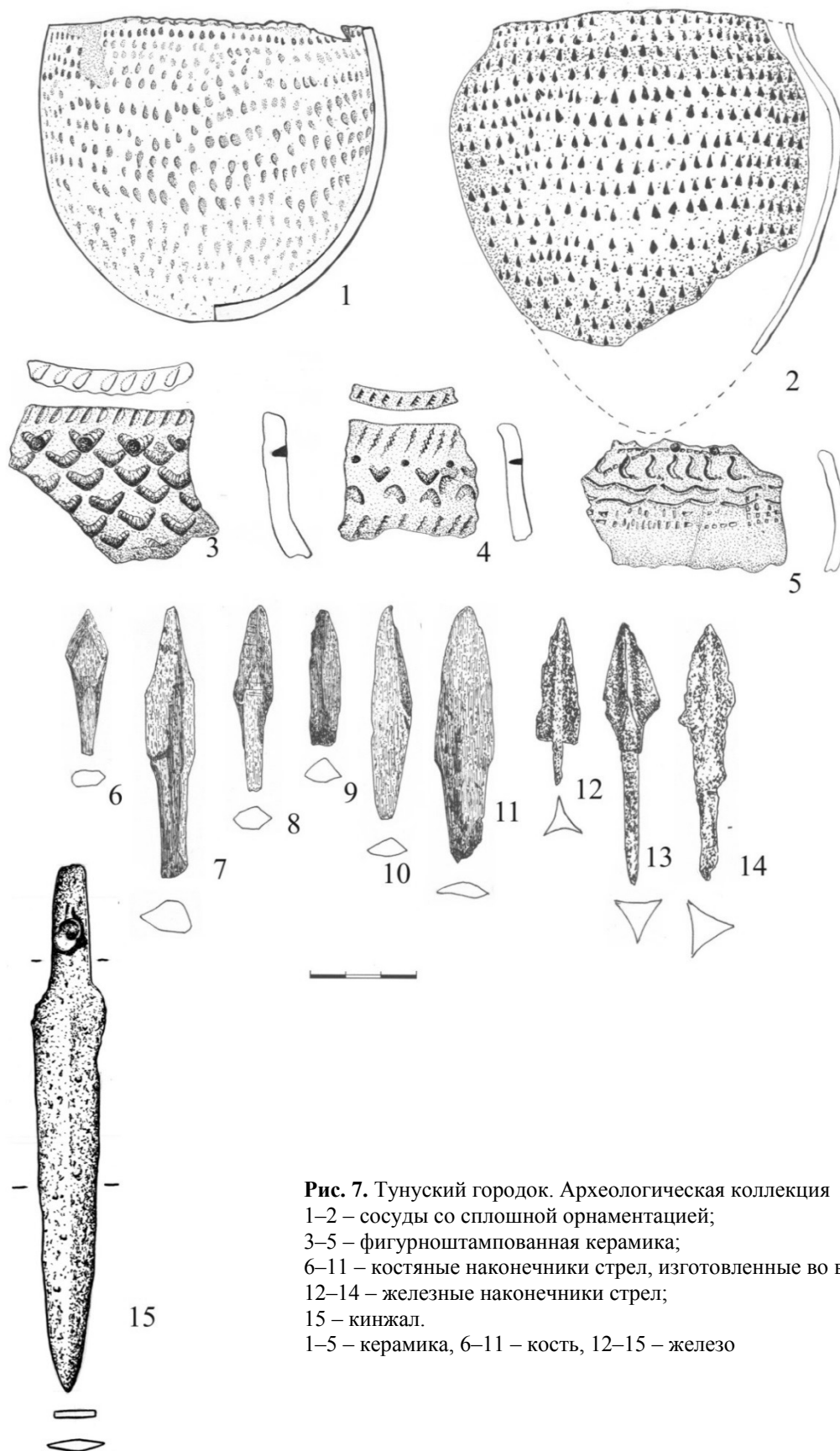

Рис. 7. Тунуский городок. Археологическая коллекция
 1–2 – сосуды со сплошной орнаментацией;
 3–5 – фигурноштампованная керамика;
 6–11 – костяные наконечники стрел, изготовленные во время осады;
 12–14 – железные наконечники стрел;
 15 – кинжал.
 1–5 – керамика, 6–11 – кость, 12–15 – железо

Второй комплекс керамики (рис. 7 – 1–2) соотносится с татарской посудой поселенческих памятников XVII–XVIII вв., исследовавшихся в Среднем Прииртышье – Бергамак III, Черталы I, но, в отличие от них, найденная здесь посуда сохранила черты более раннего периода, что отразилось в делении сосуда на орнаментальные зоны при помощи геометрических композиций, выполненных гребенчатым штампом и в достаточно широком диапазоне профилировки сосудов. На более поздних памятниках геометризм на керамике исчезает – на смену приходит посуда, полностью орнаментированная рядами подтреугольных, семечковидных или овальных штампов. Эта посуда выделяется в лучшую сторону от фигурноштамповой своим качеством и определенной стандартизацией форм. Всего зафиксировано два типа – это открытые по венчику круглодонные сосуды и сосуды с пристроенным дном и слегка заваленным внутрь венчиком.

Распространение этой посуды я связываю с развитием государственных институтов Сибирского ханства. Керамика с подобным стандартным орнаментом выявлена при раскопках всех крупных комплексах этого государственного образования от Зауралья до Приобья – Искере, Чимгитуре, Тон-Туре (Вознесенское городище), Басандайском городке и других. Вполне возможно, что это связано с развитием торговых отношений и распространением системы мер и весов, с определенными правилами содержания военных отрядов или другими государственными действиями хана Кучума.

Городок, как и описано в грамоте, был полностью сожжен. От его деревянных укреплений и легких каркасных жилищ практически ничего не осталось. В ходе раскопок сложилось впечатление, что после того, как прогорел пожар, победители прошлись по городку цепью и собрали практически все, что представляло собой хоть какую-нибудь ценность. В то же время не были преданы захоронению защитники городка, об этом свидетельствуют находки нескольких обгорелых человеческих костей в верхней части культурного слоя. После сражения татарские воины были брошены на месте гибели и впоследствии растащены дикими животными, поэтому костей не так много.

Защитников городка все-таки похоронили, но сделали это уже в летнее время. Вероятнее всего это сделали местные татары, но, возможно, что на место городка приезжали сторонники хана Кучума из его окружения. Об этом свидетельствуют захоронения совершенные по незнакомому для местных татар обряду.

Примерно в километре от городища на мысу коренной террасы р. Тары располагается средневековый могильник Надежинка IV, к его северо-восточному краю были подхоронены защитники городка. Могильник исследовался в те же сезоны, что и городок и к числу защитников мы относим 19 погребений мужчин в возрасте от 16 до 45 лет. На скелетах некоторых умерших были зафиксированы следы от ударов холодного оружия (Определения А. Антонова, Тюмень, ИПОС СО РАН). Над всеми погребениями были насыпаны продолговатые насыпи размерами 3x7 м и высотой до 0,5 м. По взаиморасположению и по внешнему виду насыпей данный могильник стоит в одном ряду с исследованными в Прииртышье могильниками XVII–XVIII вв. – Бергамак-II, Окунево XV, Алексеевка-XXVII, Черталы I и датируется вышеуказанным временем. Но после проведенных раскопок выяснилось, что могильник имеет ряд захоронений, совершенных по обряду, который не зафиксирован на раскопанных в Тарском Прииртышье погребальных комплексах. Прежде всего, это два захоронения совершенных по обряду трупосожжения, причем первое – трупосожжение на стороне, а второе – трупосожжение на месте. В обоих случаях над захоронениями были поставлены деревянные срубы. Вместе с прахом и остатками костей находились обгоревшие фрагменты костяных наконечников стрел, которые по своей форме идентичны найденным при раскопках городка.

Два погребения были совершены в традиционной для погребальных комплексов Прииртышья практике по обряду трупоположения, но с сосудами в ногах. Оба предмета традиционной круглодонной формы и полностью покрыты глубокими вдавлениями подтреугольного штампа. Посуды, кроме металлических котлов, в погребениях могильниках на р. Таре нет. Эта черта – наличие керамики в захоронениях – более характерна для могильников Барабы (Молодин и др., 1990, с. 116–176), тем самым этот факт так же подтверждает предположение о стратегическом нахождении Тунусского городка между Прииртышьем и Барабой.

Археологические исследования Тунусского городка позволяют сделать несколько выводов, как непосредственно по самому комплексу, так и для всего Сибирского ханства. Данный городок представляет собой хорошо защищенный комплекс благодаря сложной фортификационной системе, которая имеет аналогии в Поволжье и Средней Азии – это и сильное эскарпирование склонов останца, наличие предмостного укрепления и выделенной особой части – цитадели. В отличие от средневековых городищ до татарского времени, к городку по склону террасы построен спуск не только

для пеших и верховых, но и для гужевого транспорта. Что мы связываем со значением городка, как центра сбора ясака. То, что подобные городки, помимо своего военного предназначения, были центрами по сбору ясака с местного населения, свидетельствует их временный характер эксплуатации, питание за счет пригнанных лошадей и наличие костей северного оленя. На городке найдена керамика, которая по своей форме и орнаменту идентична посуде, найденной при раскопках Чимги-Туры, Тон-Туры (Вознесенского городища), Басандайского комплекса и т.д., что свидетельствует об определенной стандартизации посуды в Сибирском ханстве.

Городок был взят штурмом после непродолжительной осады, когда татары сделали вылазку и были разгромлены многократно превосходящим противником. Несмотря на хорошую фортификацию он не был предназначен для долговременной осады. Эти городки были скорее наступательными пунктами, нежели оборонительными и могли продержаться незначительное время. В этом, пожалуй, была одна из главных слабостей Сибирского ханства – ни армия, ни укрепленные комплексы, включая и столицу Искер, не были предназначены для ведения оборонительной военной кампании, что и привело в итоге к поражению ханства в противостоянии с Московским царством.

Тунусский городок просуществовал по историческим меркам очень немного – менее 30 лет. Он был построен ханом Кучумом в 70-е годы XVI в., в период наибольшего развития Сибирского ханства, расширения его границ, а взят штурмом в середине 90-х гг., и это событие означало потерю ханом предпоследнего своего укрепленного пункта в Прииртышье. Дальше лежала Бараба и за ней Приобье, где на Ирменском лугу через год состоялось его последнее сражение с отрядом Андрея Воейкова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликова О.Б. Зырянский могильник конца XVI–XVII в. Таежного Причумылья в свете археологии и археоботаники. Опыт комплексного исследования одного кургана. Томск: Издательство Томского Университета, 2010. 432 с.
2. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т.1. 630 с.
3. Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьёв А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.
4. Татауров С.Ф. Город Ялом (К вопросу о месте расположения) // Сибирский сборник. Казань: Изд-во «Яз», 2011. С. 51–62.
5. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. 276 с.
6. Худяков Ю.С. Хан Кучум и его воины // Родина. 2000 №5. С.72–75.

S.F. Tataurov

THE LAST FORTRESS OF THE KHAN KUCHUM ON IRTYSH

In this article we are talking about one of the strengthened complexes of the Siberian khanate – the Tunusky town, which was located on right-bank inflow of Irtysh – the Tara, approximately in 50 km from its valley. The river Tara flows in the width direction and serves as border between forest-steppe and taiga zones of Western Siberia, therefore almost entire period of ancient and medieval history it was border between the forest and steppe population. The Tunusky town has been built in the seventies years of 16th century together with several towns, which have made the defensive line, which protected lands of the khanate from the Khanty population. At the same time these towns were the centers for collecting a yasak from the population living here. During 2003–2006 years the town was investigated by archaeological expedition of Omsk branch of Institute of archeology and ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science under my management. Materials of researches have formed the basis of this composition.

Keywords: Western Siberia, Siberian khanate, khan Kuchum, Moscow kingdom, Tara.

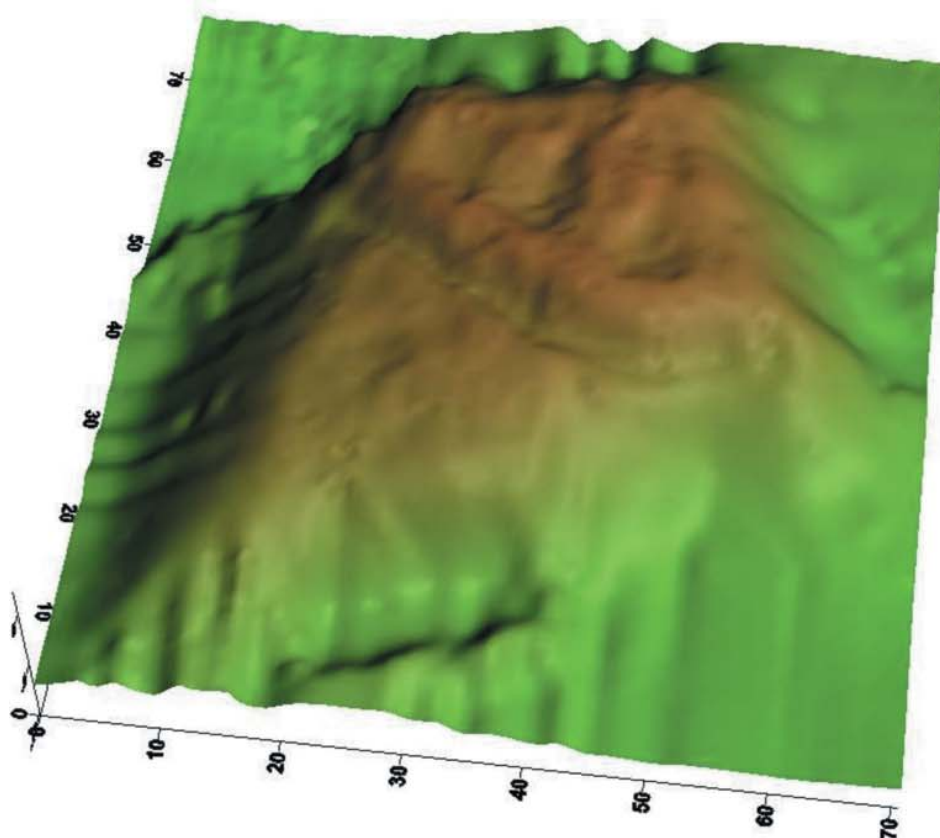
Сведения об авторе:

Татауров Сергей Филиппович – кандидат исторических наук, зав. сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН (г.Омск); E-mail: TatSF2008@rambler.ru

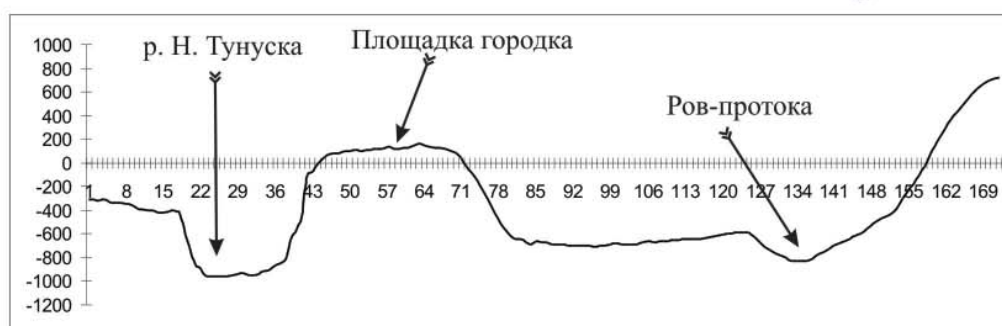
Tataurov Sergey Filippovich – Candidate of Historical Sciences, Head of Sector of archeology, Omsk branch of Institute of archeology and ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk).

А

Б

В

Рис. 3. А – вид городка в настоящее время; Б – объемная модель Тунуского городка; В – профиль городка

Рис. 5. Одно из исследованных жилищ Тунуского городка

Рис. 6. Клад кузнеца под одним из жилищ Тунуского городка

К статье: *Тихонов С.С. Бухарская слобода Тарской крепости: исследования топографии и исторических районов города*

Рис. 3. Вид на Зааркарку с коптера